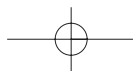

Юрий Павлович
БОКАРЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Москва
Институт экономики
2007

ISBN 5-201-031-08-0

Бокарев Ю. П. Экономическая история и экономическая теория (научный доклад). — М: ИЭ РАН, 2007. — 55 с.

В докладе освещается состояние теоретических и исторических исследований экономики, анализируются причины обособленного развития теории и истории, выявляются границы как теоретической экономики, так и экономической истории, даются ориентиры их возможного сближения.

Основная идея доклада сводится к тому, что в случае интеграции теории и истории в рамках единой науки государство получит мощный инструмент для реформирования и регулирования экономической деятельности.

©
Бокарев Ю. П.,
2007

©
Институт экономики РАН,
2007

Оглавление

Введение	
Неоконченная дискуссия	4
Глава I.	
Экономическая теория	
без экономической истории	7
1.1. Структура ортодоксальных теорий	8
1.2. Структура эволюционных теорий	12
1.3. Границы теоретической экономики	21
Глава II.	
Экономическая история	
без экономической теории	24
2.1. Идеологизация экономической истории	25
2.2. «Модернизационная парадигма»	
или новая идеология?	34
Глава III.	
Возможна ли интеграция	42
3.1. В чем историки могут помочь теоретикам	42
3.2. Что историки экономики ждут от теоретиков	46
Заключение	49

Введение. Неоконченная дискуссия

В 1883 г. между основоположником австрийской школы Карлом фон Менгером и главой исторической школы Густавом фон Шмоллером вспыхнула дискуссия. В книге «Исследования о методе общественных наук» Менгер заявил, что исторический метод приводит лишь к поверхностным обобщениям, в которых стираются различия между экономической наукой, политикой и правом¹. Шмоллер в своем «Ежегоднике» на это ответил, что абстрактные теории не ведут к постижению экономики; понять ее можно только на основе тщательного изучения исторических фактов².

С этим спором была связана попытка Торстена Веблена в 1898 — 1900 гг. построить экономику как эволюционную науку³. С этого момента лагерь экономистов-теоретиков разделился надвое, и диспутанты на время забыли об историках. Начался так называемый *Methodenstreit*, в ходе которого неоднократно осуждалось «рикардианство» как попытка создания общей для всех времен и народов экономической теории. Заслугой «английского стиля мышления» признавалась разработка базовых экономических понятий и категорий, выражающих структуру экономической науки. Но одновременно был обнаружен неодинаковый исторический и географический смысл этих понятий и категорий.

Мало кого увлек путь перестройки экономической науки на эволюционной основе, хотя эта идея и не была окончательно

1. *Menger Karl*. Untersuchungen u#ber die Methode der Sozialwissenschaften. Wien, 1883.

2. *Smoller's Jahrbuch*, 1883. S. 978.

3. *Ананьин О. И.* Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005. С. 83.

оставлена. Одно время выходом из положения считалась разработка частных теорий. Но в таком случае единое здание экономической науки превращалось в подобие коттеджного поселка.

Хотя в первой половине XX в. спор о теории и истории оказался вне *mainstream*'а, он неоднократно возобновлялся представителями периферийных экономических течений. В 1904 г. французские экономисты Ш. Жид и Ш. Рист в учебнике по истории экономических учений присоединились к критикам теоретического подхода. С их точки зрения «механическое объяснение экономической жизни» недостаточно «для того, чтобы дать отчет о всей сложности ее... Механическая концепция изолировала экономическую активность человека от реальной среды, в которую эта активность погружена...»⁴, Жид и Рист повторили аргументы исторической школы о необходимости учета исторического опыта, особенностей национальных экономических институтов, наличия природных ресурсов, географического положения страны.

Вопрос о соотношении экономической теории и экономической истории оказался вновь в центре внимания после Второй мировой войны. В какой-то степени это было спровоцировано послевоенным интересом к истории социалистического строительства и ответной атакой идеологов либерализма.

В 1949 г. на историков экономики ополчился Людвиг фон Мизес. В книге «Human Action» он утверждал, что историк не в состоянии учесть всю совокупность экономических фактов. Он вынужден производить их отбор на основе своего мировоззрения. Поэтому «история никогда не сможет быть ничем иным, кроме искажения фактов; она никогда не сможет быть по-настоящему научной, т. е. нейтральной по отношению к ценностям и направленной исключительно на открытие истины»⁵.

Мизес сконструировал новую науку — праксиологию, объектом исследования которой является человеческая деятельность. Частью этой науки должна стать экономика. Мизес представлял праксиологию как науку априорную, теоретическую, базирующуюся на системе аксиом и доказанных на их основе теорем. Праксиологические

4. Там же. С. 85.

5. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. / Пер. с 3-го испр. англ. изд. Челябинск: Социум, 2005. С. 41, 49.

категории должны быть объективными, всеобщими и неизменными во времени. Праксиология была призвана превратить экономику в точную науку, использующую математический аппарат.

Однако экономические категории, которыми оперировал Мизес (рынок, деньги, цены, процент, кредит, заработная плата), нельзя признать всеобщими и неизменными во времени. Современники критиковали Мизеса за «презрительное игнорирование автором влияния истории на человека. Изменения в социальной структуре, в развитии экономики и культуры — все это отправлено в мусорный ящик теории. Мизес героически борется за то, чтобы оградить экономическую теорию от влияния времени и исторических условий, однако, подобно благородному Дон-Кихоту Сервантеса, он обречен на поражение»⁶.

В 1954 г. Йозеф Шумпетер попытался положить конец дискуссии о теории и истории, утверждая, что в рамках экономической науки есть место, как для теоретического, так и исторического подходов⁷. Однако это удивительно банальное утверждение никого не удовлетворило. Шумпетер признал то, что никем не оспаривалось: существуют теоретические и исторические исследования экономики. Он даже не сформулировал суть проблемы, породившей указанную дискуссию: являются ли теоретические исследования самодостаточными для понимания экономики, какое место должны занимать экономико-исторические исследования в общем здании экономической науки и почему теоретический и исторический подходы так далеко разошлись?

Таким образом, дискуссия между сторонниками теоретического и исторического подходов оказалась незавершенной. Обе стороны смогли выявить существенные недостатки метода своих противников. Но никаких рецептов преодоления этих недостатков не было предложено.

В настоящем докладе предпринимается попытка освещения современного состояния теоретического и исторического направлений, изучения возможности если не их синтеза, то, по крайней мере, сближения.

6. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1968. С. 204.

7. Schumpeter Joseph A. History of Economic Analysis. New York, 1954. P. 814.

Экономическая теория без экономической истории

В настоящее время фундамент экономической науки составляют теоретические исследования. На них опираются экономисты-практики. Теория лежит в основе государственной экономической политики. Реформаторы экономики исходят из теоретических абстракций, а не из исторического опыта. Историки экономики отгеснены далеко на задний план. В лучшем случае их работы рассматриваются как эмпирические исследования, для которых та или иная теория служит методологической основой. В ряде же стран, включая Россию, исследования в области экономической истории не признаются частью экономической науки, а относятся к историческим дисциплинам. Экономисты настолько привыкли к такому положению вещей, что не задумываются над тем, является ли оно справедливым.

Главным следствием отрыва экономической теории от экономической истории является потеря связи теории с реальной экономикой. Растущий интерес к эконометрическим исследованиям не позволяет эту связь восстановить. Дело в том, что современные экономические теории направлены на выявление универсальных понятий и категорий с целью разработки рецептов оптимального поведения экономических субъектов независимо от времени и места действия. А реальная экономика — это постоянно изменяющаяся система. Содержание одних и тех же понятий существенно меняется.

1.1. Структура ортодоксальных теорий

Ортодоксальные экономические теории являются теориями рынка и связанных с ним понятий и категорий. Хотя в их рамках можно выделить несколько направлений исследований, есть несколько общих структурных элементов и инструментов анализа, которые находят применение практически во всех моделях, создаваемых в рамках современных ортодоксальных теорий экономического поведения.

Главными и наиболее известными элементами ортодоксальных теорий, вошедшими во все учебники и хрестоматии, являются гипотеза оптимального поведения экономических субъектов (в отношении определения затрат, выпуска, потребительского выбора) и теория рыночного равновесия Вальраса (с ее независимым от воли субъектов механизмом формирования цен).

Предполагается, что фирмы действуют в соответствии с набором правил принятия решений, определяющих их деятельность как функцию от внешних (рыночная конъюнктура) и внутренних (например, располагаемого основного капитала) условий. Теория дает четкий ответ на вопрос: «Почему правила таковы?» Этот ответ характеризует сами правила, которые отражают оптимальность поведения фирм.

Оптимизационная теория поведения фирмы содержит три компонента. Первый — определение того, что именно фирмы отрасли стремятся оптимизировать; обычно это максимизация прибыли или дисконтированной стоимости, но в некоторых случаях целевая функция может быть более сложной.

Второй — определение совокупности ресурсов и производственных возможностей фирмы. Если в центре внимания производство в традиционном смысле, то эта совокупность может состоять из факторов производства вместе с допущениями относительно характеристик видов деятельности, их сочетаемости друг с другом. На этой основе выявляется множество производственных возможностей. В другие модели включаются также совокупность знаний и умений фирмы, ее политика в области рекламы или портфели финансовых активов.

Третий компонент связан со стратегиями фирмы. Предполагается, что любое мероприятие фирмы можно трактовать как

результат выбора действия, при котором степень достижимости цели максимизируется по заданному множеству альтернативных стратегий поведения при известных ограничениях, как налагаемых рынком, так и внутренних (располагаемый объем факторов производства, считающийся постоянным в короткие промежутки времени). В некоторых моделях представление максимизирующего поведения учитывает неполноту, издержки и ограниченность информации.

Оптимизационный подход позволяет вывести правило или набор правил, определяющих действия фирм как функцию рыночной конъюнктуры при заданных их возможностях и целях. Этот подход — попытка дать теоретическое объяснение принятию решений фирмами. Обращаясь к соображениям, лежащим в их основе, и применяя процедуру максимизации, можно проследить происхождение правил и объяснить их характеристики. Правила принятия решений составляют операционную часть теории.

Теоретики, руководствующиеся оптимизационной теорией, пытаются на основе оценок целей фирмы и множества имеющихся у нее вариантов выбора понять, почему фирма делает нечто или что при других условиях она стала бы делать иначе.

Процесс принятия решений потребителем также рассматривается как рациональный поиск разрешения стоящей перед человеком проблемы. Как полагают Энгель, Блекуэлл, Дэй и Маниард, решение этой проблемы равнозначно контролируемому и осмысленному действию, предпринимаемому с целью удовлетворения конкретных потребностей⁸. Тем самым в теорию вводится модель потребителя, действующего всегда осмысленно и рационально. Процесс принятия решений таким потребителем подразделяется на три этапа: 1) определение потребности; 2) поиск информации; 3) приобретение и потребление.

Оптимальное поведение фирмы и потребителя вытекает из концепции экономического человека, принимаемой как аксиома. В действительности руководители фирм и потребители из множества возможных решений не обязательно принимают самое оптимальное решение (в том смысле, в каком его диктует теория оптимизации), поскольку не владеют полной информацией, скова-

8. См. Дэй Джордж. Стратегический маркетинг. М.: Юнити, 2002.

ны традициями, субъективными предпочтениями, религиозными и этическими нормами.

С теорией оптимизации согласны не все теоретики. Она чаще всего служит причиной расхождения между теорией и реальной экономикой. Дело дошло до того, что экономисты-практики, разрабатывая стратегию фирмы, пренебрегают рекомендациями ортодоксальных теорий.

В частности так произошло в области маркетинговых исследований, где еще в конце XX в. классическая теория маркетинга многими фирмами была отброшена, а ее место заняла теория так называемого «эмпирического маркетинга», не признающая концепции экономического человека, чье поведение всегда разумно и оптимально, опирается на здравый смысл. Один из основателей этой теории Бернд Шмитт пишет, что человек — существо эмоциональное, для которого важно чувство удовлетворения от сделанного выбора. Человеком движет «нечто, что находится вне рамок простого удовлетворения потребностей; нечто за пределами модели «раздражитель — ответная реакция»; нечто, что каким-то образом возвышается над бытием»⁹.

В результате прежние товаропозиционные схемы были оставлены, а их место заняли стратегические эмпирические модули (СЭМы), характерные для того или иного типа потребления, и проводники переживаний (ПП), создаваемые маркетологами для активизации СЭМов. Сочетание СЭМов и ПП образует эмпирическую сетку, являющуюся ключевым стратегическим инструментом стратегического маркетинга.

Вот вкратце все, что я хотел бы сказать о первой структурной опоре, на которой держится ортодоксальная теория.

Другой важной структурной опорой ортодоксальных теорий является концепция равновесия. Это исключительно мощная и гибкая концепция. В ортодоксальной теории полное равновесие может быть равновесием в двух или трех отличных друг от друга смыслах, ибо оно относится к нескольким различным переменным в пределах целостной структуры модели.

Роль условий равновесия состоит в том, чтобы в рамках логической структуры модели получить выводы об экономическом пове-

9. Шмитт Бернд. Эмпирический маркетинг / Пер. с англ. М: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 98 — 99.

дении, в то время как оптимизационный анализ позволяет сделать выводы относительно правил поведения.

Слабым пунктом является то, что базисная Вальрасова модель равновесия принимается как аксиома, а не выводится из микроэкономического анализа ценообразования. Конечно, есть рынки, где равенство между спросом и предложением выполняется институционально (например, фондовый рынок). Но для рынков, на которых аукционист отсутствует, существует, как отмечал Кеннет Эрроу, «разрыв между обычными положениями теории совершенной конкурентной экономики и действительностью, а именно, что здесь нет места для рационального выбора в отношении цен, такого же как и в отношении количеств»¹⁰. Поэтому далеко не все экономисты-теоретики согласны с тем, что в реальной экономике осуществляется равновесие по Вальрасу¹¹.

Кривые рыночного спроса и предложения суть просто результат агрегирования правил поведения индивидуальных продавцов и покупателей, описывающих для каждого из действующих лиц наиболее желательный объем транзакций при любом возможном значении рыночной цены. Фактическое значение цены — а, следовательно, и фактическое поведение действующих лиц — определяется условием равновесия спроса и предложения, позволяющим найти точное значение цены, такое, что при этой цене суммарный объем желательных покупок будет в точности равен суммарному объему, который продавцы желают продать.

Если бы такая схема действительно соответствовала реальности, то экономика потеряла бы какой-либо стимул к развитию. Еще простейшими моделями равновесного рынка, созданными в середине XX в., было показано, что равновесный вектор цен соответствует состоянию нулевой полезности для всех участников рынка¹².

Формальные модели, воплощающие ортодоксальные концепции оптимизации и равновесия, строятся с использованием

10. Arrow K. J. Towards a theory of price adjustment / The Allocation of Economic Resources. Ed. M. Abramowitz. Stanford University Press, 1959.

11. См. Benassy Jean-Pascal. Macroeconomics: An Introduction to the Non-Walrasian Approach. San Diego, 1986.

12. Кемени Дж., Снелл Дж. Кибернетическое моделирование. Некоторые приложения. М: Советское радио, 1972. С. 51 — 69.

многообразных математических инструментов. На самом деле диапазон и темпы изменения набора математических средств, употребляемых для исследования в сущности неизменного набора теоретических концепций, вызывают подозрение, что решающее значение здесь имеет достигнутый исследователями и их окружением уровень математической изоциренности, а не наличие каких-либо глубоких связей между математическим инструментарием и предметом исследования.

Методы математического анализа уже давно стали важным инструментом исследования и занимают все более значительное место в преподавании предмета студентам и аспирантам. Они, по-видимому, действительно дают эффективный способ выражения некоторых ключевых идей ортодоксальных теорий, особенно связанных с оптимальным поведением.

Остаются, однако, сложности, связанные с несоответствием реальных экономических переменных условиям гладкости и выпуклости. Еще более важной проблемой является то, что такие базисные понятия как «потребительские предпочтения» или «индивидуальные полезности» измеряются лишь в относительных шкалах и потому не могут быть агрегированы в «коллективные предпочтения» и «коллективные полезности».

Таким образом, можно сказать, что ортодоксальные теории довольно далеко отошли от экономической практики. Предпринимались многочисленные попытки проверки выводов ортодоксальных теорий, полученных логическим путем, с помощью эконометрии (исследования Генри Шульца, Поля Г. Дугласа, Роберта Э. Гордона и др.). Однако статистика не дает таких данных, к которым нельзя не придраться и поставить под сомнение полученные результаты.

В настоящее время главной причиной того, что ортодоксальные теории продолжают существовать, является заинтересованность в этом их сторонников. Создалась такая ситуация, когда исследовательскую проблему рождает не изменяющаяся экономическая действительность, а логика развития самих теорий.

1.2. Структура эволюционных теорий

Эволюционные теории не относятся к *mainstream*'у. Они не так детально разработаны и изоцирены, как ортодоксальные теории, что в первую очередь связано с тем, что фонды неохотно отпус-

кают на них средства, а их авторы, как правило, не печатаются в престижных экономических журналах. С одной стороны, эволюционные теории представляют большой интерес для историков экономики, а с другой — отечественные экономисты с ними менее знакомы. Мое изложение отталкивается от работы Ричарда Р. Нельсона и Сиднея Дж. Уинтера, отразившей состояние разработки теории на конец XX в¹³.

Как и в современных ортодоксальных теориях, применяемые фирмами правила принятия решений образуют базисную рабочую концепцию и в эволюционных теориях. Однако авторы последних отвергают точку зрения, связанную с тем, что оптимальное поведение служит объяснением, почему правила принятия решений именно такие. Эволюционные модели обходятся без всех трех компонентов оптимизационных моделей — глобальной целевой функции, точно определенного множества вариантов выбора и максимизирующего выбора как руководства к действиям фирмы. Эволюционисты считают, что правила принятия решений тесно связаны с технологией производства, тогда как с точки зрения ортодоксии это совершенно разные вещи.

Общим термином для всех нормальных и предсказуемых образцов поведения фирм у авторов эволюционных теорий является «рутина». Впервые этот термин использовал Р. Гордон в исследовании механизма лидерства в крупной корпорации¹⁴.

Употребление термина «рутина» охватывает широкий диапазон различных аспектов деятельности фирм: технические методы производства товаров или услуг, процедуры найма и увольнения рабочих, размещения заказов на новое оборудование, действия по увеличению производства предметов повышенного спроса, политика в области инвестирования, НИОКР или рекламы, разработка стратегии в области диверсификации производства и зарубежных инвестиций и др.

В эволюционной теории эти «рутины» играют ту же роль, что гены в биологической эволюционной теории. Они — неотъемлемые

13. Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Эволюционная теория экономических изменений / Пер. с англ. М.: Дело, 2002.

14. Gordon R. A. Business Leadership in the Large Corporation. Washington, 1945.

характеристики экономического «организма» и определяют его возможное поведение (хотя поведение определяется еще и окружающей средой). Они наследуются в том смысле, что у экономических «организмов» завтрашнего дня многие характеристики те же, что и у породивших их «организмов» сегодняшних.

Несомненно, что деловое поведение в значительной мере не является рутинным в общепринятом смысле этого слова. Понятно также, что многие аспекты процесса принятия решений в сфере бизнеса, представляющие исключительную важность с точки зрения как отдельно взятой фирмы, так и общества в целом, отнюдь не рутинны. В современном мире менеджеры высокого ранга в сфере бизнеса не занимаются применением стандартных решений к тем же задачам, что и много лет назад.

Ключевой пункт в построении эволюционной теории состоит в том, что к категории, обозначенной термином «рутина», относят большую часть нормального и предсказуемого в деловом плане поведения. Этот термин включает те относительно неизменные предрасположения и эвристические методы при выработке стратегии, которые формирует подход фирмы к стоящим перед ней «нерутинным» проблемам. Тот факт, что не все в деловом поведении соответствует нормальным и предсказуемым образцам, эволюционная теория учитывает, признавая их в качестве элементов случайности как при принятии решений, так и в последствиях этих решений.

С точки зрения участника процесса принятия решений в сфере бизнеса, элементы случайности могут отражать результаты совещаний или принятия трудных решений в кризисных ситуациях. Но с точки зрения внешнего наблюдателя, стремящегося понять динамику большой системы, существенно то, что элементы случайности трудно предвидеть заранее.

Ортодоксальная теория проводит резкое различие между множеством вариантов решений и самой процедурой выбора — между тем, что связано с использованием конкретной технологии, и тем, что связано с решением, какую технологию использовать. Если есть разумное обоснование отрицания значимости этого элемента выбора ортодоксальной теорией поведения фирмы и отнесения его лишь к техническому описанию, то это связано с тем, что

выбор такого рода осуществляется рутинным способом или с тем, что он не оказывает существенного влияния на прибыль фирмы.

Эмпирические исследования поведения фирм в таких сферах, как ценообразование, управление материально-техническим снабжением и даже политика в области рекламы, обнаруживают и в них аналогичное «следование правилам» при принятии решений. В некоторых случаях власть рутины в частных сферах принятия решений вызвана важными действиями, совершаемыми где-то в другом месте, например, в сфере финансов, НИОКР или государственного регулирования. Таким образом, остается загадкой нежелание сторонников ортодоксальной теории параллельно исследовать схожие формы рутинного поведения, связанного с выбором и «деланием».

Эволюционное моделирование придает большое значение сходству между рутинными действиями разного сорта. В любой момент рутины фирмы задают список функций, которые определяют (возможно, стохастически) действия фирмы как функцию от разнообразных внешних (связанных в основном с рыночной конъюнктурой) и внутренних (фазовых) переменных (например, преобладающий парк машинного оборудования фирмы или средняя норма прибыли, вырученной в последнее время). Среди функций, заданных таким образом, одна может соотносить требуемые затраты с выпуском продукции (т.е. отражать технологию фирмы), другая — выпуск продукции фирмы с рыночной конъюнктурой (в ортодоксальной теории — кривая предложения), третья — меняющиеся объемы факторов производства с их ценами и другими переменными.

Но если в ортодоксальной теории имеющиеся в распоряжении фирмы технологии являются постоянными исходными данными, а правила принятия решений считаются следствием оптимизации, то эволюционная теория и то и другое трактует просто как отражение исторически сложившихся на данный момент рутин, управляющих действиями коммерческой фирмы.

Рутины, управляющие поведением в любой заданный момент, являются известными. Чтобы узнать характеристики рутин, следует обратиться к сформировавшему их эволюционному процессу. Для его анализа целесообразно различать три класса рутин.

Первый из них связан с действиями фирмы в каждый момент при заданном наличном парке машин и оборудования и других

факторах производства, объем которых нельзя легко увеличить за короткий срок. Рутинные, управляющие краткосрочным поведением, могут быть названы «функциональными характеристиками».

Второй класс рутин определяет увеличение или уменьшение от периода к периоду основного капитала фирмы (т. е. факторов производства, постоянных на коротких промежутках времени). То, в какой мере фактическое инвестиционное поведение следует предсказуемому образцу, зависит от ситуации. В эволюционной теории спектр реалистических возможностей соответствует диапазону, в котором варьирует роль элементов случайности в представлении процесса принятия инвестиционных решений. В конкретных моделях правило инвестирования, применяемое фирмами, настроено на рентабельность, т. е. рентабельные фирмы будут расти, а нерентабельные сокращаться и тем самым функциональные характеристики более рентабельных фирм будут играть все возрастающую роль в хозяйственной деятельности отрасли.

Здесь механизм отбора аналогичен естественному отбору генотипов с дифференциальной скоростью изменения коэффициента размножения в биологической эволюционной теории. И, как и в биологической теории, в экономической эволюционной теории чувствительность темпа роста фирмы к ее преуспеванию или неудачам сама по себе служит отражением ее «генов».

Наконец, фирмы располагают рутинными, действие которых с течением времени модифицирует их функциональные характеристики. Например, рутинная работа сотрудников лаборатории НИОКР может вызвать пересмотр или даже радикальное изменение деятельности.

Эти процессы, как и прочие, выполняются исходя из некой иерархии правил принятия решений, в соответствии с которой процедуры более высокого уровня (например, обследование технологии производства, используемой на сегодняшний день, или изучение возможных изменений в политике в области рекламы) воздействуют на процедуры более низкого уровня (такие, как техника изготовления отдельных деталей, процедура определения состава используемой сырьевой смеси или правила принятия решений по поводу расходов на рекламу), видоизменяя последние. Возможны процедуры и еще более высокого уровня, например проводящиеся время от времени

дискуссии по поводу адекватности текущей стратегии НИОКР или методологической состоятельности исследований рынка, которыми руководствовались при выработке политики в области рекламы.

Модель иерархической структуры правил принятия решений была сформулирована Р. Сиертом и Дж. Марчем в 1963 г. в работе по теории поведения фирмы¹⁵.

Управляемые рутинными процессы моделируются как «поиск» в следующем порядке. Дается описание характеристик популяции модификаций рутин или новых рутин, которые может выявить поиск. Тактика предпринимаемого фирмой поиска характеризуется заданием распределения вероятностей того, что будет найдено в результате поиска как функции от ряда переменных, например от затрат фирмы на НИОКР, которые в свою очередь могут быть функцией от размера фирмы. У фирм предполагается наличие определенного критерия оценки предлагаемых изменений рутин: практически во всех моделях им является ожидаемая прибыль. Конкретный же вид модели, которую следует применять для поиска, зависит от исследуемого вопроса.

Концепция поиска — аналог концепции мутации в биологической эволюционной теории. То, что при эволюционном подходе поиск частично задается рутинными, которыми располагает фирма, соответствует принятому в биологической теории взгляду на мутации как на процесс, частично определяемый генетическим строением организма.

В эволюционной теории, как и в ортодоксальной, описание характеристик индивидуальных фирм служит главным образом в направлении анализа поведения отраслей или других крупномасштабных единиц экономической организации. Модели описывают «отрасли», т. е. ситуации, в которых некоторое количество схожих в общих чертах фирм взаимодействуют друг с другом в рыночных условиях, характеризуемых кривыми спроса на продукцию и предложения ресурсов. При моделировании таких ситуаций часто удобно допускать, что достигнуто «временное равновесие», т. е. абстрагироваться от краткосрочных динамических процессов типа тех, при которых на какой-то период устанавливается единая для всего

15. Cyert R. M., March J. G. A Behavioral Theory of the Firm. New Jersey, 1963.

рынка цена. Однако эволюционная теория не допускает такой ситуации, когда отрасли пребывают в состоянии долгосрочного равновесия.

Главные интересы эволюционной теории связаны с динамическим процессом, посредством которого совместно определяются и образцы поведения фирм во времени, и последствия поведения фирм для рынка. Вот типичная логика таких эволюционных процессов.

В каждый момент текущие функциональные характеристики фирм, величина их основного капитала и значения других фазовых переменных определяют уровни затрат и выпуска. Эти решения фирм вместе с рыночной конъюнктурой спроса и предложения, которая является для рассматриваемых фирм экзогенным параметром, определяют рыночные цены затрат и выпуска. Таким образом, определяется уровень рентабельности каждой отдельно взятой фирмы. Рентабельность же, отражаясь в правилах инвестирования, принятых в данной фирме, выступает в роли одного из решающих факторов увеличения или уменьшения размеров индивидуальных фирм. А коль скоро размеры фирм изменяются, одни и те же функциональные характеристики будут порождать разные уровни затрат и выпуска, тем самым и разные цены и показатели рентабельности и т. д.

Ясно, что при таком процессе отбора агрегированные затраты и выпуск и уровни цен в макроэкономическом плане будут претерпевать изменения даже при постоянных функциональных характеристиках фирм. Но и функциональные характеристики окажутся подвержены изменениям благодаря действию правил поиска в фирмах. Поиск и отбор — два одновременно присутствующих и взаимодействующих компонента эволюционного процесса: те же самые цены, которые обеспечивают обратную связь при отборе, влияют и на направленность поиска. Под совместным воздействием поиска и отбора фирмы развиваются во времени, и при этом ситуация в отрасли в каждый период несет зачатки ситуации в ней в следующий период.

Подобно тому как некоторые ортодоксальные идеи, по-видимому, находят наиболее естественное математическое выражение в дифференциальном и интегральном исчислении, вышеизложенное описание экономической эволюции переводится в описание марковского процесса — правда, в довольно сложном пространстве состояний. Ключевая идея заложена в последней фразе предыдущего

абзаца: ситуация в отрасли в каждый период несет зачатки ситуации в ней в следующий период. Это точно характеризует переход от одного периода к следующему за ним, с которым напрямую связаны основные теоретические «пристрастия» эволюционной теории. Одно из таких «пристрастий» — идея недетерминированного характера данного процесса; в частности, результатам поиска присущ элемент случайности. Таким образом, то, что на самом деле определяет ситуация в отрасли в данный период, — это распределение ее вероятности в этой отрасли в следующий период.

Если добавить важное условие, что ситуация в отрасли в периоды, предшествовавшие периоду t , не оказывает влияния на переходные вероятности между t и $t + 1$, то это означает, что изменение во времени ситуации в макроэкономике является марковским процессом.

Безусловно, в широких рамках описанной теоретической схемы можно построить огромное число частных моделей. Каждая такая модель — частный случай марковского процесса, который можно анализировать с помощью математических теорем, относящихся к марковским процессам общего вида. Однако для того чтобы такой анализ приводил к заключениям, представляющим экономический интерес, модели должно быть присуще экономическое содержание.

Общие теоремы о марковских процессах сами по себе не представляют экономического интереса. Они не более чем полезные инструменты для извлечения выводов, заложенных в модель посредством конкретных допущений. Предположим, можно показать что отрасль приближается к долгосрочному равновесию, которое может быть либо статичной ситуацией в отрасли, либо вероятностным распределением состояния отрасли, распространяющимся на все моменты отдаленного будущего. Если приближение к такому равновесию фактически предусмотрено допущениями модели, то обычно есть возможность описать некоторые свойства такого равновесия, например функциональные характеристики уцелевших фирм.

Определяющим фактором успеха в извлечении таких выводов является сложность модели. Это подводит нас к важному вопросу о границах класса марковских моделей эволюции макроэкономики. На абстрактном уровне эта схема моделирования имеет

весьма общий характер. Можно считать, что в понятие «состояния фирмы» входят описания и физического (машины и оборудование), и информационного состояния (содержимое баз данных и людской памяти), и функциональных характеристик, и правил инвестирования (воздействующих на переходы от одного физического состояния к другому), и правил регистрации (воздействующих на переходы от одного информационного состояния к другому), и правил поиска (воздействующих на переходы от одних функциональных характеристик, правил регистрации и правил поиска к другим).

Все эти описания можно сколь угодно детализировать. Мы можем включить в описание «состояния макроэкономики» список описаний состояний всех фирм вместе со списком переменных окружающей среды, которые можно определить как заданные функции времени или как функции состояний фирм. Само описание правил перехода для столь сложно представленного состояния отрасли будет в значительной степени неявным. Функциональные характеристики отражают физические и информационные состояния во множество текущих действий. Текущие действия и даты определяют значения переменных окружающей среды. Для каждой фирмы ее текущее состояние и значения переменных окружающей среды посредством правил инвестирования, регистрации и поиска отображаются в новое состояние фирмы¹⁶.

Таким образом, можно утверждать, что сторонниками эволюционных теорий разработаны некоторые подходы к описанию экономических изменений. Но в какой степени эти подходы отражают реальные механизмы экономических изменений судить пока еще нельзя. Этому мешает зачаточное состояние указанных теорий. Они еще не вышли на тот уровень, когда можно было бы говорить об их практической апробации. Но уже сейчас заметен отрыв теоретической работы от исторической практики. Создатели эволюционных теорий идут тем же путем установления аксиом и категорий, а также логических следствий из дедуктивных рассуждений, что и создатели ортодоксальных теорий.

16. Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Указ. соч. С. 35—44.

1.3. Границы теоретической экономики

Современные экономические теории, особенно те, которые принадлежат к *mainstream*'у, рисуют некий параллельный мир, отношение которого к реальному миру весьма проблематично.

Экономисты-теоретики часто наталкиваются на серьезные расхождения между теорией и действительностью. В частности тот же Менгер, яростно отстаивая теоретический подход, признавался, что существует поразительное противоречие между традиционной теорией цены и рыночной практикой ценообразования¹⁷. Однако такие противоречия экономисты пытаются объяснить не ограниченными возможностями теоретического подхода к изучению сложной и изменчивой экономической действительности, а недостатками конкретной теории.

Многие экономисты верят в то, что экономическая наука может быть построена на тех же основаниях, что и естественные науки. Предпринимаются даже попытки выстроить здание науки на априорной, аксиоматической основе. Система аксиом вводится в абстрактных науках, где объект исследования не противостоит исследователю в качестве объективной реальности, а является конструкцией самого исследователя (неэвклидовы геометрии и т. д.). Не только в науках об обществе, но и в науках о природе нет места аксиомам. Здесь все положения проверяются опытом и поставить рядом с ними непротиворечивую систему постулатов, принимаемых без доказательств, нельзя.

Другим характерным явлением является замыкание экономической науки в рамках математической экономики. Вообще применение математики в экономических исследованиях необходимо и плодотворно. Важно только знать пределы математизации экономики. Экономическая действительность настолько сложна, что для формализации многих фундаментальных явлений математический аппарат еще не разработан.

Если в естественных науках теория является поэтапным приближением к действительности, то в экономике она не больше, чем упрощенная модель действительности. Если в естественных

17. Селигмен Б. Указ. соч. С. 158.

науках новая теория представляет собой более общий случай, чем старая теория, то в экономике часто новая теория полностью перечеркивает предыдущую. Считается, что это обстоятельство связано со сложностью экономической действительности. Однако важно подчеркнуть, что указанная сложность не сводится лишь к большому числу взаимодействующих элементов, а состоит в изменении тесноты и направления взаимосвязей между ними. Это не позволяет определить небольшое число неизменяемых понятий, на основе которых можно выстроить прочный фундамент теории.

Приведу пример. Всем известен факторный анализ, позволяющий объяснить корреляции между множеством переменных наличием небольшого числа независимых друг от друга факторов. Этот метод хорошо зарекомендовал себя в психологии. С его помощью на основе множества реакций человека на те или иные ситуации можно определить основные черты личности. Это позволило разработать типологию характеров и создать теорию поведения. Но для того, чтобы факторный анализ работал, необходимо, чтобы характер человека не менялся на протяжении длительного времени.

В 1970-е гг. мы с коллегами попытались применить факторный анализ для изучения системы взаимосвязей между переменными, характеризующими экономическую деятельность крестьянских хозяйств. Оказалось, что в разных регионах и в различные периоды времени взаимосвязи между элементами крестьянских хозяйств определялись разными факторами. Например, в начале XX в. в Центрально-черноземном регионе корреляции объяснялись малоземельем и недоимочностью. А в Сибири эти факторы не действовали. Там главную роль играли почвенно-климатические условия и расстояние до рынков сбыта.

Список бросающихся в глаза недостатков современных экономических теорий можно было бы продолжить. Но и отмеченных выше достаточно, чтобы сделать ряд промежуточных обобщений.

1. Все существовавшие до сих пор экономические теории не объясняют экономическую систему как народнохозяйственное целое. В лучшем случае они нацелены на объяснение одной из подсистем народного хозяйства (например, теория так называемой «рыночной экономики»).

2. Любая абстрактная экономическая теория — это в лучшем случае упрощенная модель действительности, оперирующая лишь немногими переменными величинами, многие из которых носят временный характер, существуют только в рамках одной из множества экономических систем.

3. Современные экономические теории плохо объясняют экономическую динамику. Теории экономического роста не выходят за рамки простых количественных изменений таких показателей, как валовой внутренний продукт, производство, спрос и предложение.

4. За два с лишним столетия своего существования экономическая теория не смогла предложить никакой общепринятой базовой концепции, вокруг которой можно было бы со временем выстроить все здание экономической науки. В лучшем случае базовые концепции разделяются лишь сторонниками одной экономической школы и не признаются представителями других школ.

Разделение экономистов на приверженцев несовместимых друг с другом школ влечет за собой их замыкание в рамках конкретных группировок, никак не взаимодействующих друг с другом. Исследовательская работа ведется не для объяснения реальной экономики, а для решения специфических, важных только для данной школы проблем.

II

Экономическая история без экономической теории

История предстает перед нами такой, какой мы в состоянии ее понять, исходя из наших методологических принципов и теоретических знаний. Они определяют не только выбор темы и направление исследования, но и состав корпуса источников, оценку их значимости и достоверности. В случае отсутствия хорошей теории экономическая история быстро политизируется, становится частью официальной идеологии.

Экономическая история, развиваясь долгие годы в рамках исторической науки, вобрала в себя как позитивные, так и негативные ее черты.

К позитивным чертам относятся:

1) внимание к источникам информации, обязательная проверка их достоверности и репрезентативности;

2) опора на всю доступную исследователю информацию. Игнорирование каких-либо источников считается существенным недостатком исследования, а иногда и перечеркивает его результаты;

3) стремление охватить изучаемое явление во всем его многообразии, определить его генезис и эволюцию, взаимосвязь с различными сторонами общественной жизни;

4) актуальность исследования с позиций сегодняшнего дня.

К негативным:

1) слабая теоретическая подготовленность исследователя;

2) значительная политизация и идеологизация исследования;

3) распространенность субъективных суждений в том случае, если пробелы в источниках или их противоречивость допускают неоднозначность трактовки;

4) преимущественное внимание к нарративным источникам, содержащим сведения о значимых единичных событиях. Незначительный интерес к статистическим источникам, к массовым явлениям и процессам.

2.1. Идеологизация экономической истории

В России экономическая история долгое время исследовалась с позиций превалирования материального производства и потребления над отношениями собственности, обращения и распределения. Такой методологический подход сформировался еще в дореволюционную эпоху под влиянием идей классической политической экономии, позитивизма и особенно марксизма.

Русский перевод «Капитала» К. Маркса, выполненный народниками Николаем Даниэльсоном и Германом Лопатиным, появился в 1872 г. — раньше, чем в какой-либо другой стране. По словам Франца Меринга, «ему [Марксу. — Ю.Б.] казалось иронией судьбы, что русские, против которых он неустанно и непрерывно боролся в течение 25 лет на трех языках — немецком, французском и английском, оказывались всегда его «доброжелателями». Его труд против Прудона, его книга «К критике политической экономии» также не получили, по словам Маркса, нигде большего сбыта, чем в России. Он, однако, не придавал этому большого значения, говоря, что это — чистое гурманство, которое стремится ухватиться за самое крайнее из того, что дает Запад»¹⁸.

На самом деле влияние марксизма на самые широкие круги российской интеллигенции было обусловлено рядом серьезных причин. Появление крупных промышленных предприятий (главным образом, государственных или иностранных) не сопровождалось в России формированием частной собственности как общенационального института. Деревня оставалась преимущественно общинной, городская экономика находилась в руках купеческих гильдий и ремесленных цехов. Узкий слой русских заводчиков жил

18. Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни. 2-е изд. М: Политиздат, 1990. С. 368—369.

одними интересами с рабочими, что не способствовало формированию буржуазии как класса. Попытка П. А. Столыпина в короткий срок создать в деревне слой «крепких хозяев» свидетельствовала о непонимании элитой сложности проблемы частной собственности в России.

Поэтому идеи превращения частной собственности в общественную, ликвидации эксплуататорских классов, перехода от капиталистических производственных отношений к социалистическим не встречали в дореволюционной России серьезного противодействия, напротив, поддерживались лучшими интеллектуальными силами.

Влияние марксистской экономической мысли испытали на себе все отечественные историки народного хозяйства, независимо от их принадлежности к той или иной научной школе или политической партии. Даже те, кому коммунистические идеи К. Маркса были чужды, усваивали его методологию исследования народного хозяйства.

Примером того, как методологические установки определяют направление исследований, их проблематику и формируют корпус источников, может служить труд М. И. Туган-Барановского «Периодические промышленные кризисы», опубликованный в 1896 г. и оказавший большое влияние на отечественную, а отчасти и зарубежную историко-экономическую литературу. Находясь под впечатлением идеи К. Маркса о противоречии между производством как средством удовлетворения потребностей человека и производством как техническим моментом в создании капитала, М. И. Туган-Барановский в соответствии с этим формулирует проблематику своего исследования и формирует корпус источников. Его интересуют не все фазы экономического цикла, а только фаза кризиса. Проявление же кризиса он усматривает лишь в падении производства, росте числа банкротств, увеличении безработицы и снижении жизненного уровня низших классов. Поэтому главными источниками М. И. Туган-Барановскому служат те, которые содержат данные о динамике промышленного производства, занятости, заработной плате и потребительских ценах, а вспомогательными — источники, позволяющие осветить формирование производственного капитала, т.е. содержащие данные о сбыте продукции,

промышленных займах, динамике отпускных цен, вексельных курсов, кассовой наличности банков¹⁹.

На самом деле промышленный кризис является неразрывной частью экономического цикла, включающего в себя фазы подъема, расцвета, кризиса и депрессии, причем предпосылки перехода к новой фазе складываются внутри предыдущей. Оценка кризиса целиком зависит от того, в каком состоянии было народное хозяйство в предшествующей фазе расцвета. При этом чрезвычайно важное значение для изучения кризиса имеют данные не только о производстве и потреблении, но и о денежном обращении, фондовой спекуляции, налогах, изменении сравнительной прибыльности во всех сферах экономики, а также о важных для народного хозяйства политических, религиозных и культурных событиях, игнорируемых марксизмом.

Превращение марксистской теории в государственную идеологию первоначально мало повлияло на историко-экономические исследования. Правда, после большевистского переворота некоторые крупные специалисты покинули страну (П. Б. Струве, С. Н. Прокопович, Б. Д. Бруцкус и др.), но произошло это из-за политических, а не научных причин. Их работы продолжали свободно печататься, распространяться и обсуждаться в советской России.

Положение стало изменяться с конца 1920-х гг. На первой конференции историков-марксистов критике подверглись молодые ученые, уже успевшие прославиться своими яркими концепциями о месте и значении иностранного предпринимательства в российской дореволюционной экономике, о производном характере российского финансового капитала от франко-бельгийского, о роли иностранного лобби в принятии Россией экономических решений (Н.Н. Ванаг, И.Ф. Гиндин, С.Л. Ронин, Е.А. Грановский и др.)²⁰. Руководитель Общества историков-марксистов М.Н. Покровский обвинил ученых в «экономическом материализме», который правилен сам по себе, но «чисто экономическая интерпретация исторического

19. Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. М.: Наука, РСФСР, 1997. С. 53 — 484.

20. См.: Ванаг Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925; Гиндин И. Ф. Банки и промышленность России до 1917 г. М.-Л., 1927; Грановский Е. А. Монополистический капитализм в России. Л., 1929; Ронин С. Иностраный капитал и русские банки. М., 1926.

процесса приемлема для любого буржуа» и потому «есть источник больших ошибок в марксизме»²¹.

Затем историки-марксисты обрушились на И. А. Теодоровича и, как ни умолял Емельян Ярославский Покровского «не калечить старого большевика», объявили его народником и правым уклонистом. А вскоре жертвой погрома стал сам М. Н. Покровский, чья теория «торгового капитала в мономаховой шапке» оказалась «базой для вредительства со стороны врагов народа, разоблаченных органами НКВД, троцкистско-бухаринских наймитов фашизма»²². Это не полный перечень погромов в области экономической истории.

Смысл происходящего прояснила статья Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», написанная в форме протеста против публикации журналом «Пролетарская революция» «антипартийной и полутроцкистской статьи Слуцкого». Предельно ясно генеральный секретарь ЦК ВКП(б) формулирует, что государство ждет от историков: «Редакция допустила ошибку, поместив статью Слуцкого в качестве дискуссионной статьи... Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма»²³.

Руководству страны нужна была такая историческая наука, которая воспринимала бы марксизм-ленинизм как систему аксиом. Перед исследователями ставилась новая и в определенном смысле увлекательная задача: исходя некоторого числа начальных условий, так скомпоновать историческую фактуру, чтобы она этим условиям ни в чем не противоречила. Историк получил чрезвычайно ответственную роль медиатора между сложной, противоречивой исторической действительностью и официально признанным учением.

Постепенно историки экономики стали осознавать новые политические реалии. Одним из первых прозрел Ваняг. Сразу после статьи Сталина он послал в журнал «Историк-марксист» письмо, квалифицируя свои концепции «как ошибки полутроцкистского характера»²⁴. В доказательство своего верного понимания вождя Ваняг

21. Труды первой всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930. С. 318—389.

22. Против исторической концепции М. Н. Покровского: Сб. ст. Ч. 1. М.-Л., 1939. С. 5.

23. Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1953. С. 85.

24. Историк-марксист. 1932. № 4 — 5 (26 — 27). С. 355 — 359.

опубликовал статью «Ленин о военно-феодалном империализме царской России»²⁵.

Все это болезненно отразилось на экономической истории. Историография упростилась, приобрела бело-черную окраску: все успехи отечественной экономики приписывались мудрому руководству большевиков, а во всех провалах обвинялись агенты империализма и враги народа. Но со временем вся эта марксистская риторика приобрела характер обязательных дежурных фраз, слабо связанных с самим исследованием; историки, научились обходить марксизм в тех случаях, когда он препятствовал пониманию действительности.

Например, одним из многочисленных недостатков марксистской теории является то, что в ней производительные силы развиваются имманентно, инновации внедряются только потому, что они способны увеличить производительность. На самом деле экономика устроена сложнее. Инновации разрушают сложившуюся систему экономических отношений и потому они внедряются только тогда, когда это становится жизненно необходимым.

Например, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. появились исследования, доказывавшие, что переход от сохи к плугу произошел в России в XIII — начале XIV в., когда для обремененного татарской десятиной и княжескими поборами крестьянства стало жизненно необходимым повысить производительность земледелия.

Неожиданный удар по историографии нанесла критика «культы личности». Из системы аксиом была выброшена вся аксиоматика «Краткого курса истории ВКП(б)». Среди новых аксиом, появившихся после критики «культы личности», наиболее важное значение для экономической истории имели положения о зрелости капитализма в России, самостоятельности ее экономического развития, капиталистическом расслоении деревни, второстепенной роли иностранных капиталов в России, руководящей роли коммунистической партии во всех происходивших после революции экономических процессах, вынужденном, временном и обоснованном характере политики военного коммунизма, переходе к новой эко-

25. Ванз Н. Ленин о военно-феодалном империализме царской России // Историк-марксист. 1934. № 1 (35). С. 21 — 53.

номической политике по заранее разработанному В. И. Лениным плану, нерациональности мелкого крестьянского хозяйства и неизбежности коллективизации, конкурентном характере вытеснения частного предпринимательства из экономики, неуклонном росте благосостояния народа (за исключением периода Великой Отечественной войны).

Это не значит, что все эти положения неправильны. Но справедливость их нужно доказывать, а не постулировать.

Несмотря на это в 1960-е гг. работа по экономической истории России достигла довольно высокого уровня, прославилась многими выдающимися исследованиями (работы С. Г. Струмилина, П. И. Лященко, С. М. Дубровского, И. Ф. Гиндина, А. М. Анфимова, В. И. Бовыкина, В. П. Данилова, В. П. Дмитренко и др.). Благодаря усилиям И. Д. Ковальченко и его учеников советские исследователи экономической истории первыми стали использовать математические методы и ЭВМ. О мировом признании советской историко-экономической мысли свидетельствует регулярное участие отечественных ученых в международных конгрессах по экономической истории, из которых V конгресс (1970 г.) был проведен в Ленинграде.

Это было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, при всей его односторонности и утопичности, марксизм включал в себя и ряд верных положений, особенно в той его части, которая основывалась на английской классической политической экономии. Во-вторых, сложившаяся система аксиоматики не перекрывала всех направлений исследований, а допускала в определенных границах и свободный научный поиск. В-третьих, историко-экономические исследования на Западе обладали своими недостатками. В частности, несмотря на предпринимаемые попытки, западным ученым не удалось создать универсальную и всеохватывающую методологию исследования. Их работы проводились в рамках разных экономических школ (кейнсианской, неоклассической, институционалистской, исторической, неокейнсианской, монетаристской и др.), каждая из которых была по-своему уязвима.

Наконец, в 1960-е гг. возобновилась практика научных дискуссий. Историки спорили об экономической сущности просвещенного абсолютизма, о «военно-феодальном империализме», «сращивании и подчинении», аграрном рынке, расслоении крестьян-

ства, многоукладности, предпосылках коллективизации, времени окончания новой экономической политики.

Правда, в ходе некоторых дискуссий научная аргументация подавлялась обвинениями в искажении марксизма-ленинизма, приверженности к сталинизму. Такой, например, была дискуссия о роли иностранных капиталов в России. Огромное значение иностранных предпринимателей в промышленном развитии России является фактом, который невозможно отрицать. Некоторые историки делали из этого вывод о полуколониальном статусе дореволюционной России, зависимости страны от иностранных инвестиций. Попытку преуменьшить роль иностранных капиталов предпринял И. Ф. Гиндин. Он предложил включать в подсчеты капиталов, принадлежащих иностранцам «лишь иностранные капиталы, владельцы которых живут за границей»²⁶. Однако правомерность такого подхода должна быть доказана.

Гораздо хуже обстояли дела с отечественными исследованиями в области экономической истории зарубежных стран. Здесь исследователи были вынуждены доказывать, что капиталистический строй находится в состоянии кризиса, исторически обречен, хотя действительность этого не подтверждала.

К сожалению, в 1970-е гг. практика научных погромов была возобновлена. В первую очередь была прервана дискуссия о роли иностранных инвестиций в экономическом развитии России. Партийные идеологи стремились доказать, что большевистская революция произошла не в развивающейся, недавно вступившей на путь капиталистического развития стране, а в одной из наиболее развитых в экономическом отношении стран мира. Иначе нельзя было доказать, что коммунизм — это «светлое будущее человечества». Напротив, он оказывался результатом диспропорционального развития экономики, массы социальных противоречий, характерных для раннекапиталистического развития.

Историки, старательно доказывавшие тезис о необычайно высоком уровне экономического развития России, оказались на верхних этажах научной иерархии. Историки, утверждавшие, что Россия

26. Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1997. С. 226.

находилась лишь на начальных стадиях капиталистического развития, были лишены своих постов. Так, в начале 1970-х гг. П. В. Волобуев был подвергнут уничтожающей критике и снят с поста директора Института истории СССР. Пострадали также и его многочисленные сторонники (А. М. Анфимов, Н. И. Павленко, К. Н. Тарновский, В. П. Данилов и др.). О какой экономической истории можно говорить в таких условиях?

Переживший первые погромы А. Л. Сидоров в начале 1960-х гг. сам превратился в погромщика. Он писал о своих бывших товарищах: «Признавая полное подчинение русской банковской системы иностранному капиталу, а царское правительство — безвольным исполнителем политики иностранных банков, Ванаг, Ронин и Крицман фактически превращали (sic! — Ю.Б.) Россию в полуконию западного империализма. Ванаг, а вслед за ним и Покровский отрицали систему русского финансового капитала, признавая только его зародышевое состояние, т.е. фактически отрицали предпосылки успешного строительства социализма»²⁷.

Даже в современных либеральных условиях историки не избавились от большевистской практики погромов, направленных против их коллег, отрицания за ними права на свою точку зрения, приписывания себе знания истины в последней инстанции. Так, например, в изданном в 1997 г. сборнике «Россия и мировой бизнес: дела и судьбы» замечательный исследователь В.И. Бовыкин обрушился на только что вернувшего себе право публиковаться П.В. Волобуева за то, что развиваемое им и его сторонниками «новое направление в экономической истории» считало российский капитализм зависимым от европейского «по линии займов, экспорта капиталов, внешней торговли, технологии и т. д.», обнаруживало диспропорциональность развития отдельных отраслей народного хозяйства, рост отсталости России от развитых стран в начале XX в.²⁸

Несмотря на то, что справедливость этих утверждений достаточно очевидна (сравните уровень развития промышленности

27. Сидоров А. Л. В. И. Ленин о русском военно-феодалном империализме. (О содержании термина «военно-феодалный империализм») // Об особенностях империализма в России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 17.

28. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / Под ред. В. И. Бовыкина. М.: РОССПЭН, 1996. С. 6.

и сельского хозяйства, а внутри промышленности металлургическую и текстильную отрасли) В. И. Бovyкин, в полном соответствии со сложившейся практикой погромов, заявляет: «Эти взгляды не подтверждаются, однако, эмпирическими исследованиями».²⁹ При этом автор не поясняет, какие исследования он имеет в виду.

Зато, в соответствии с давно сложившейся в нашей науке практикой считать итоги исследований американских историков *ultima ratio*, В.И. Бovyкин ссылается на Пола Грегори, который утверждал: «Темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX—начала XX века. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция»³⁰. Однако, как показали мои исследования, Пол Грегори использовал источники, значительно завышающие темпы промышленного роста дореволюционной России³¹.

Важно также учесть, какие именно производства стремительно развивались в России, создавая при исчислении общего индекса физического объема промышленного производства ложную картину быстрого роста промышленности в целом. Это горная промышленность, металлургия и металлообработка, химия — т. е. те отрасли, в развитии которых большое участие принимал иностранный капитал.

В несколько лучшем положении находились исследователи докапиталистических экономик. Однако и они были обязаны исповедовать ряд положений, сформулированных классиками марксизма-ленинизма при недостаточном знакомстве их с фактами древней истории. Правда, в ряде случаев им позволялось поправить Маркса и Энгельса.

Например, Ф. Энгельс считал выделение пастушеских племен из массы охотников и собирателей «первым крупным общественным разделением труда», произошедшим задолго до образования первых государств³². Однако исследования этого не подтвердили. В изданной Институтом этнографии в 1975 г. коллективной работе

29. Там же. С. 6.

30. Там же. С. 7. См. Также: Gregory P. R. *Russian National Income, 1885 — 1913*. Cambridge, L., N. Y., 1882. P. 192.

31. См.: Бокарев Ю. П. Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX начале XX в. // Экономический журнал. 2006. № 11. С. 158 — 190.

32. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М.: Политиздат, 1966. С. 352.

о первобытном обществе доказывается, что «становление производящего хозяйства в Старом Свете сразу произошло в комплексной земледельческо-скотоводческой форме, а скотоводство обособилось довольно поздно»³³.

Смена методологической ориентации в экономической истории России новейшего времени совпала со сходом со сцены лидеров крупнейших историографических школ: И. Ф. Гиндина, В. К. Яцунского, И. Д. Ковальченко, В. И. Бовыкина, В. П. Дмитренко, К. Ф. Шаццало и др. Это сделало кризис отечественной экономической истории особенно тяжелым и затяжным.

2.2. «Модернизационная парадигма» или новая идеология?

После того, как марксистско-ленинская идеология перестала быть обязательной методологической основой, далеко не все отечественные историки смогли воспользоваться предоставленной им научной свободой. Многие ощущают методологический вакуум и пытаются его заполнить различного рода теориями.

Лихорадочные поиски теории экономического развития проводились по разным направлениям. Самым простым решением была попытка оставить формационную теорию Маркса без серьезных изменений, исключив из нее только учение о коммунизме. В таком ключе написаны учебники Т. М. Тимошиной, М. В. Конотопова и С. И. Сметанина, коллективный труд под редакцией Г. Б. Поляка и А. Н. Марковой и др.³⁴

Однако сам Маркс не считал свою теорию универсальной. В 1877 г. в письме в редакцию «Отечественных записок» он писал: «Ему [Н. К. Михайловскому. — Ю. Б.] непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются...

33. Первобытное общество: основные проблемы развития. М.: Наука, 1975. С. 91 — 92.

34. Тимошина Т. М. Экономическая история России: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1998; Конотопов М. В., Сметанин С. И. История экономики: Учеб. М.: Академический Проект, 1999; История мировой экономики. М.: ЮНИТИ, 2002 и др.

Но я прошу у него извинения. Это было бы слишком лестно и слишком постыдно для меня»³⁵.

Действительно, невозможно объяснить экономический строй стран Востока, используя понятия «рабовладельческий строй» или «феодализм». Попытки сделать это привели к ряду невозможных конструкций.

В последние годы в качестве заменившей марксизм методологической основы большое распространение получила теория модернизации. Ее приверженцами являются такие известные историки экономики, как В. В. Алексеев, Л.И. Бородкин, В.А. Красильщиков, Б.Н. Миронов, Н.А. Проскуракова, А.К. Соколов и др.³⁶.

Теория модернизации сформировалась во второй половине 1950-х — 1960-х гг. в рамках советологии. Ее создателями считают С. Блэка, М. Леви, Д. Лернера, Ш. Эйзенштадта и Д. Эптера. Иногда к ним причисляют У. Ростоу, Н. Смелзера и С. Хантингтона. С марксизмом эту теорию роднит телеологический подход к исторической действительности: предлагается некий идеальный общественный строй, к которому надлежит стремиться всем существующим на земле нациям. Однако в отличие от марксизма теория модернизации игнорирует существование классов, концентрируя внимание на обществе как целостной системе.

Сразу же возникают неясности с определением понятия «модернизация». В. В. Алексеев и И. В. Побережников считают: «Кардинальная трансформация, связанная с движением от традиционности к современности, получила в науке наименование модернизации»³⁷. Но такие понятия как «традиционность» и «современность»

35. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М.: Госполитиздат, 1947. С. 179.

36. Соколов А. К. Курс советской истории. 1917 — 1940. М.: Высшая школа, 1999; Опыт российских модернизаций XVIII — XX века/Под ред. В. В. Алексеева. М.: ООО «Социум», 2000; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1-2. СПб., 1999. Проскуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153- 165; Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: Мысль, 1998 и др.

37. Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизационная парадигма российской истории // Информационно-аналитический бюллетень Научного совета по проблемам российской и мировой экономической истории. 2006. № 4. С. 7.

слишком многозначны, чтобы претендовать на научность. Все существующие ныне общества современны (в том плане, что существуют в настоящее время) и ни одно из них не может обойтись без традиций.

Попытки дать более внятное объяснение понятию «модернизация» наталкиваются на трудности иного рода. По мнению екатеринбургских историков модернизационная теория «призвана в первую очередь решать проблемы, связанные с объяснением перехода от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу. Данная проблема сохраняет свою актуальность для значительной части стран и народов, населяющих планету; значима она и для России, которая осуществляет сегодня грандиозную трансформацию, призванную завершить постройку современного общества»³⁸.

Оказывается, что терминологическая неясность маскирует идеологическую предвзятость модернизационной теории. Если под традиционным понимается аграрное общество, а под современным — индустриальное, и, значит, речь идет о теоретически изученном еще в XIX в.³⁹, переходе от аграрной экономики к индустриальной, то при чем здесь Россия, несомненно, промышленная держава? А при том, что понятия «традиционный», «современный», «модернизация» несут еще одну нагрузку. Как верно отметил А. М. Курьшов под термином «модернизация» понимается «совокупность процессов, утверждающих в России рыночные отношения и... либерализм»⁴⁰.

Фактически теория модернизации подразделяет все нации на две группы: «современные», к которым относятся США и страны Западной Европы, и «традиционные» под которыми понимаются все остальные. Считается, что западные страны создали образцовую модель общественного устройства. Все другие страны обязаны воспроизвести эту модель у себя.

На основе модернизационного подхода получили обоснование и широкое распространение уничижительные концептуальные схемы российского пути развития. Экономическое развитие

38. Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. 2000. № 5/6.

39. См.: *Toynbee Arnold*. Lectures on the Industrial Revolution in England. London, 1884.

40. Курьшов А. М. Трансформация сибирской общины в конце XIX — начале XX в. в контексте экономической модернизации России // Информационно-аналитический бюллетень Научного Совета по проблемам российской и мировой экономической истории. 2006. № 4. С. 21.

большевистской России, а нередко и Российской империи принято называть имперской моделью модернизации⁴¹, моделью консервативной⁴² и рецидивирующей⁴³ модернизации, псевдомодернизацией⁴⁴ и т. д. Широкое распространение получили оценки российского пути развития как модернизации неорганичной, насаждаемой сверху, чтобы догнать более развитые общества, характеризующейся циклизмом, рецидивами и прочно связанной с традициями. При этом движущей силой вестернизации признается государство, а общество провозглашается пассивным объектом прavitельственных реформ⁴⁵.

В качестве примера можно привести работы основоположника российских модернизационных исследований В. А. Красильщикова. В известной работе «Модернизация: зарубежный опыт и Россия» автор оценивает российский (советский) опыт перехода от традиционного к современному обществу в XX в. как контрмодернизацию. По мнению исследователя, советская контрмодернизация сменила зашедшую в тупик имперскую модель модернизации, продемонстрировавшую неэффективность политических и социальных институтов, приведшую к социокультурному расколу в обществе, породившую масштабную маргинализацию значительной части населения. Смена моделей развития приобрела революционный характер и сопровождалась «вымыванием» буквально всего, что напоминало о старом режиме, — чуждой народу

-
41. Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М.: Высшая школа, 1996. С. 36—40; *Он же*. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера)// Вопросы философии. 1993. № 5; Красильщиков В. А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Мысль, 1998. С. 68; Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века// Вопросы философии. 1993. №7. С. 47.
42. Вишнеvский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: Дело, 1998.
43. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М.: Наука, 1999.
44. Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life University of Helsinki, 1997. P. 12 -13.
45. Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: Наука 1997; Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении; Ильин В.В., Панапин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М., 1996; Модернизация и национальная культура. М.: Наука, 1995; Российская модернизация: проблемы и перспективы// Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3—39; Свободное слово: Интеллектуальная хроника. Альманах-2001. М., 2003. С. 9 -55, 130-180.

западной культуры, рыночных отношений, частной собственности и личной инициативы.

Советскую «контрмодернизацию» В. А. Красильщиков считает также тупиковым вариантом развития и определяет как псевдомодернизацию. Он называет ошибочным курс большевиков на ускоренную индустриализацию страны на основе воспроизводства технико-экономической базы западного общества, описанной основоположниками марксизма. Такой подход, по мнению автора, изначально закладывал последующее отставание России от стран Запада, поскольку последний в тот период уже выстраивал новую модель общественного устройства («фордизм», «государство благоденствия»), которая осталась незамеченной руководством Советского государства. Искусственно воспроизводя технико-экономическую базу капитализма начала XX в. с монополизмом одноотраслевых предприятий, преимущественным ростом производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления, большевики, как полагает В. А. Красильщиков, воссоздавали индустриальный тип общества, уже зашедшего к тому времени в тупик. Здесь естественно возникает вопрос: почему же тогда весь мир, а не только большевики, на том этапе шел аналогичным путем?

При этом автор признает, что советский «казарменный коммунизм» сумел осуществить раннеиндустриальную модернизацию, т. е. воспринял индустриальную технологию, создававшуюся в условиях рыночного хозяйства. Данное обстоятельство В. А. Красильщиков объясняет изоморфизмом, существующим, по его мнению, между индустриальной технологией, деспотичной по своей природе и отчуждающей человека от его труда, и советским государством, по существу тоталитарным, а также эсхатологичностью общественного сознания советского общества, присущей ему верой в грядущее «царство свободы», которая порождала энтузиазм у немалой части людей, готовность подчиняться жесткой дисциплине антигуманной технологии ради рывка вперед, в будущее.

Исследователь полагает, что, осуществив сталинскую индустриализацию и восстановив разрушенное войной хозяйство, советское общество, тем не менее, оказалось неспособным преодолеть технико-экономическое отставание СССР от Запада, продуктивно отреагировать на тенденции, набиравшие силу в странах «атланти-

ческой цивилизации». По существу автор солидаризируется со сторонниками тоталитарного подхода, которые отрицали наличие в советской системе внутренних импульсов к саморазвитию, трансформации. Акцент делается им на имманентно присущее сталинской системе свойство к самовоспроизводству. Попытки реформ, предпринимавшиеся советским правительством на протяжении 1950—1960-х гг., автор оценивает как поверхностные и неэффективные, как имитацию преобразовательной деятельности⁴⁶.

Следствием принятия «либералистского» подхода к трактовке модернизации становится преимущественно негативистское видение данного процесса применительно к России как не соответствующего идеализируемому эталону. Между тем здесь следует быть более осторожным и соблюдать принцип историзма. Во-первых, очевидно, что процесс индустриализации вообще, в том числе на Западе, не протекал как абсолютно гармоничный, способствующий на каждом этапе всеобщему росту благоденствия (достаточно напомнить первоначальное накопление, социальную дифференциацию, пролетаризацию, колониализм как сопутствующие повсеместно индустриализации явления). Во-вторых, надо учитывать особые, трудные условия индустриализации за пределами атлантической цивилизации, в частности в России, которая начала переход от аграрного к индустриальному обществу с низкого уровня, и была вынуждена регулярно противостоять враждебному окружению, доказывать собственное право на самостоятельное, независимое существование.

Можно критиковать советскую модель индустриализации, но нельзя игнорировать то, что именно она в кратчайший срок превратила аграрную страну в индустриальную державу. На том этапе это отражало мировую тенденцию развития и являлось жизненной необходимостью для нашего Отечества, что убедительно подтвердила победа во Второй мировой войне.

Как и любая идеологическая схема, теория модернизации не объясняет, для чего нужно ломать собственный путь развития и переходить на «второй» западный путь. Ничего она не говорит и о том, какие издержки ожидают нацию в случае такого перехода и какая «награда» ее ждет в конце пути.

46. Красильщиков В. А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. С. 70—74.

Теория модернизации создавалась специально для стран «второго» и «третьего» мира. Она неприменима для стран атлантической цивилизации. Поэтому она непригодна для объяснения механизмов широких исторических процессов. Как, например, объяснить с помощью этой теории промышленный переворот в Англии, если никаких образцов индустриального общества в то время еще не существовало? Да и развитие промышленности в Германии не следовало английскому образцу, а осуществлялось в соответствии с историческими и культурными потребностями и реалиями Германии.

Поэтому ошибочна трактовка модернизации как переход к более производительным и совершенным техническим, технологическим, социальным формам. Между тем такая трактовка весьма распространена. Например, екатеринбургскими исследователями модернизация трактуется «как протяженный, охватывающий несколько столетий, всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, в ходе которого люди совершали переход от традиционного аграрного к современному, индустриальному обществу. Данный процесс, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов (субпроцессов): структурной и функциональной дифференциации общества (перехода от комплексных, диффузных, малоэффективных социальных структур и функций к узкоспециализированным и эффективным), индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, социальной и политической мобилизации, демократизации, становления новых ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций»⁴⁷.

Нечеткость исходных понятий, примитивизация исторического процесса вызвали необходимость многочисленных дополнений исходной концепции модернизации. Современный модифицированный модернизационный подход заметно дистанцировался от классической версии, превратившись из первоначально односторонней и абстрактной концепции, не игравшей существенной роли в историко-эмпирических исследованиях, в противоречивую,

47. Опыт российских модернизаций XVIII — XX века / Под ред. В.В. Алексева. М.: Социум, 2000; *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: Социум, 2006.

запутанную и эластичную по отношению к исторической реальности исследовательскую программу. Но и в этом случае сторонники теории стремятся подчеркнуть, что «модернизационная перспектива никогда не претендовала на роль универсальной познавательной отмычки, объясняющей все и вся в историческом прошлом»⁴⁸.

Тогда в чем же суть модернизационной программы? Только в том, чтобы включить все страны в сферу интересов западных стран, сделать их неспособными отстаивать свои собственные интересы.

Как показала дискуссия, проведенная 10 февраля 2007 г. в рамках Научного Совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории, теория модернизации слишком линейна и однонаправлена для того, чтобы помочь объяснить сложную и противоречивую историческую действительность.

Впрочем и сами сторонники теории модернизации это прекрасно сознают. Так, например, в предисловии к книге И. В. Побережникова академик В. В. Алексеев сопроводил теорию модернизации таким числом поправок и оговорок, что не оставил от нее буквально камня на камне⁴⁹.

Рассматривались также возможности использовать в качестве теории экономического развития неозволюционистский подход, теорию зависимости, миросистемный анализ⁵⁰ и др. Но все они оказались пригодными только для освещения отдельных сторон экономического развития.

Поиски продолжаются. Симптоматично, что они ведутся не столько в сфере экономической теории, сколько в области околоэкономических направлений. Это прямо связано с современным состоянием теоретической экономики.

Отсутствие универсальной теории экономического развития приводит к тому, что работы по экономической истории страдают описательностью, не поднимаются до широких обобщений.

-
48. Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 8-32; *Они же*. Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений // Уральский вестник. 2000. №5-6. С. 8-49; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: Наука, 2006.
49. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации.
50. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Эдиториал УРСС, 2004.

Возможна ли интеграция?

Более тесная связь между теоретическими и историческими исследованиями в экономике позволит в значительной степени преодолеть недостатки этих подходов, поднять уровень исследований. Поэтому сближение между экономической теорией и экономической историей будет способствовать более адекватному пониманию экономической действительности.

3.1. В чем историки могут помочь теоретикам

Исследования в области экономической истории способны помочь экономистам-теоретикам если не решить ряд важных проблем, то, во всяком случае, наметить направления поиска их решения. Приведу два возможных направления исследований.

Прежде всего, исторический материал может использоваться для проверки той или иной экономической теории. В экономике давно сложилось такое направление как эконометрия. Она использует наработки той или иной экономической теории (обычно кейнсианской, некейнсианской или неоклассической) для построения систем уравнений по имеющимся статистическим данным. Затем эти уравнения используются для прогнозирования.

Поскольку использующиеся методы позволяют аппроксимировать имеющиеся статистические данные к большому классу функций, больших трудностей в области проверки адекватности модели на этом этапе не возникает. А так как прогноз охватывает

события отдаленного будущего, проверить им адекватность модели трудно. Я использовал модель II Клейна-Голдберга и канадскую модель IX для того, чтобы определить, насколько хорошо их уравнения отражают статистические события, выходящие за рамки того материала, на котором эти модели строились. Оказалось, что уже через два-три года погрешности моделей превысили допустимую величину. Это, конечно, не значит, что исходные теории неправильны — изменилась сама экономическая действительность.

Видимо, существует необходимость создания особого направления в рамках экономической истории, нацеленного на проверку правильности той или иной экономической теории на историческом материале. Это позволило бы повысить уровень как теоретических, так и исторических исследований.

Именно с тем, что экономисты-теоретики не использовали разработанные экономистами-историками приемы исследования, связаны все заблуждения относительно эффективности той или иной экономической модели. Например, опыт Японии, Южной Кореи, Гонконга, Тайваня и Сингапура приводится как доказательство жизнеспособности либеральной экономической модели, эффективности неоклассических и монетаристских рецептов. Более близкое знакомство с указанными экономиками этого не подтверждает. Так, Япония практически не принимает иностранных инвестиций, а Южная Корея принимает только те из них, которые считает для себя «полезными». В обеих странах развито планирование и государственное регулирование экономики, что противоречит либеральной модели. Кроме того, как отмечают и сами идеологи либеральной экономики, «азиатские драконы»... часто поддерживают обменные курсы своих валют ниже их реальной стоимости с целью стимулировать экспорт»⁵¹. А это противоречит теории равновесия и неоклассической модели ценообразования.

Историки понимают, что экономический рост стран Юго-Восточной Азии во многом объясняется геополитическими факторами: Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур служили барьером для проникновения коммунизма в Азию. Поэтому им

51. Самуэльсон Пол Э., Нордхаус Вильям Д. Экономика / Пер. с англ. 16-е изд. М: Издательский дом «Вильямс», 2000. С. 492.

оказывалась западная экономическая помощь, для них открывались рынки США и Европы. Симптоматично, что те страны Латинской Америки, которые использовали либеральную модель, не добились значительного экономического успеха, обременены долгами.

Другим направлением могло бы стать изучение тех или иных экономических явлений с точки зрения их значимости для экономики. Историческая проблематика гораздо шире экономико-теоретической. Поэтому в некоторых работах историков экономики содержится богатый материал для теоретических построений. Приведу в качестве примера исследование об экономических функциях семьи и их изменении. Многие историки изучали эту тему⁵².

Смотря на семью в исторической ретроспективе, становится ясно, что ее экономические функции изменялись по своему значению. Однако с теоретических позиций эти изменения не изучены; существуют только исторические исследования об экономических функциях домашних хозяйств в разные периоды времени.

В доиндустриальную эпоху технологии были примитивны и плохо поддавались модернизации. Экономическая деятельность сосредоточивалась, в основном, в рамках семейных предприятий. Производство и распределение продукции регулировались на основе традиций. Низкая производительность приводила к тому, что сельская и городская жизнь была тяжелой, зависела от условий хозяйственного года, принимавшихся фаталистически. В таком хозяйстве семья играла центральную роль, так как экономический и общественный статус человека определялись рождением, семейными связями и местными традициями. Большое значение для производственной деятельности имела также обеспеченность семейного хозяйства мужской рабочей силой. Она была существенным элементом выживания.

С переходом к индустриальному производству новые технологии и преимущества узкой специализации заставили большую часть производства, начиная с XVIII в., переместиться от дома к фабрике. Уровень жизни у большинства населения резко возрос. Увеличилась способность экономических субъектов контролировать

52. См., напр: *Ross Heather L., Sawhill Isabel V. The Family as Economic Unit //The Wilson Quarterly. Winter, 1977. P. 84—102.*

природную среду и общественные институты. Социальный статус стал все более и более определять характер деятельности, а принадлежность к тому или иному роду или семье стала терять свое значение.

До некоторой степени семья стала специализированным экономическим институтом, отвечавшим за воспроизводство, социализацию и подготовку к трудовой деятельности новых участников экономической системы. Падение рождаемости, ослабление связей родства и превращение большой семьи в унитарную были адаптацией к индустриализации. Отец-фермер или ремесленник больше не нуждался в помощи детей. Старики стали менее зависимы от помощи младшего поколения. Малые семьи оказались более мобильны, им стало легче трудоустроиться на новом месте.

В то же время семья осталась экономической организацией, производящей значительную долю конечных продуктов питания из приобретаемых в магазине товаров, используемых в качестве сырья. Внутри семьи сохранились экономические роли ее членов, разделение функций между мужчинами и женщинами, поддерживаемые многовековыми традициями.

Однако, в течение этого периода семья продолжала играть решающую, хотя и не замечаемую теоретиками экономическую роль в перераспределении ресурсов. В промышленном мире не государство, а семья являлась главным институтом по передаче денег от тех, кто работает (прежде всего мужчины-кормильцы) к тем, кто еще или уже не в состоянии работать (прежде всего дети, неработающие женщины и дети). Например, в США в 1970 г. в рамках программ помощи нетрудоспособным правительство израсходовало 74 млрд долл., частное милосердие — 20 млрд долл., а семья — 313 млрд долл. В середине 1970-х гг. американский историк экономики Кеннет Боудинг установил, что основные причины нищеты связаны с недостатком средств у глав семей для поддержки зависимой от них части населения. Все правительственные программы по борьбе с нищетой не дали и ничтожной части того эффекта, который вызывался сравнительно небольшим увеличением дохода глав семей.

Наконец, семья была и остается главным потребителем конечных продуктов. При этом как потребитель семья выступает в качестве единого целого, а не как сумма индивидуальных потребителей. Поэтому здесь эгоизм ее членов уступает место эгоизму семьи

как целого. Такой подход позволил бы примирить теоретическую концепцию эгоизма с реальной практикой. Эгоизм применяется не к индивидуальному потребителю, а к потребительской единице: человек, семья, социальный слой, нация (общественные блага). Когда говорят, что общественные блага несовместимы с эгоизмом, допускают ошибку, которая связана с неразличением индивидуального потребления от коллективного.

В общественной жизни эгоизм индивидуума чаще осуждаемая, чем восхваляемая черта характера. От общественного человека требуют действовать в соответствии чувством долга, служить обществу и довольствоваться тем, что дает ему общество. Он самоотверженный исполнитель общественных обязанностей, ориентируется на моральные ценности, заботится о семье, законопослушен, для него общественное поощрение важнее материального успеха. Но при этом не учитывается эгоизм самого общества, нации, социального слоя, семьи в том случае когда они выступают как потребительские единицы.

Таким образом, экономическая история способна оказать определенную помощь экономистам-теоретикам. В то же время она сама нуждается в помощи со стороны экономической теории.

3.2. Что историки экономики ждут от теоретиков

В настоящее время экономическая история не может в полной мере отталкиваться от базовых понятий экономической науки, зачастую даже тех, что вошли в экономический язык из исторической практики хозяйствования. В случае необходимости теоретического объяснения конкретных историко-экономических явлений чаще всего используются: теория разделения труда, основанная на обмене А. Смита; теория роста населения и производства продовольствия Т. Мальтуса; формационная теория К. Маркса; субстантивистская теория К. Поланьи; теория хозяйственных порядков В. Ойкена; миросистемный подход И. Валлерстайна; теория институциональных изменений Д. Норта и некоторые другие. Такие теории дают не столько описание, сколько объяснение изучаемых явлений. Они имеют гипотетико-дедуктивную структуру. В их основе лежит набор исходных понятий и фундаментальных принципов, задающих тот угол зрения, под которым следует изучать фактический материал.

Однако историки нуждаются не в априорных объяснениях, а в «ящике с инструментами», которые помогают объяснить особенности экономического развития.

Из всего многообразия экономических процессов экономисты-теоретики рассматривают три: деловые циклы, инфляцию и рост. При этом все эти процессы понимаются весьма упрощенно. Например, Пол Э. Самуэльсон и Вильям Д. Нордхаус дают следующее определение: «Экономический рост представляет собой повышение потенциального ВВП страны, или национального выпуска»⁵³.

Между тем такой исчисленный статистический показатель как валовой внутренний продукт может в ряде случаев служить измерителем экономического роста, но никак не его определителем. В общем же случае ВВП является плохим измерителем экономического роста.

Методы расчета ВВП не принимают во внимание качество изделий, если оно не отражается на их цене, занижают вклад от экспорта технологий, производства высокотехнологичных товаров, где нередко новые более совершенные поколения товаров стоят не дороже старых, а цены на устаревшие изделия резко падают и т. д.

Кроме того, картина динамики мирового развития будет прямо противоположной, в зависимости от того, как будут использоваться данные о ВВП для его оценки: по валовому значению или на душу населения. Этот парадокс объясняется различиями в динамике населения развитых и развивающихся регионов. К этому присоединяются существенные различия результатов исследования в зависимости от того, как переводятся национальные валюты в доллары: по биржевому курсу или по паритету покупательной способности, по данным официальной статистики или по оценке независимых экспертов и т. д. Существуют также большие трудности адекватной оценки размеров ВВП и его динамики, обусловленные феноменом «теневой экономики», наличием тайных операций государственных институтов, уклонением граждан и фирм от уплаты налогов.

Попытки ввести в теорию экономического роста некоторые качественные явления поражают своей непродуктивностью.

53. Самуэльсон Пол Э., Нордхаус Вильям Д. Указ. соч. С. 467.

Например, технический прогресс анализируется не относительно его причин, а лишь в плане его влияния на экономический рост. Весьма оригинальными являются концепции Хикса, Харрода и Солоу о нейтральности технического прогресса. Но вопрос о том, насколько они соответствуют экономической действительности, остается открытым.

Беда теоретической экономики заключается в том, что она может быть построена только на одной из форм экономического взаимодействия (как правило, рыночной или институциональной). Попытка учесть все формы приведет к нарушению принципа системности. Формы существенно различаются мотивацией и логикой поведения. В их основе лежат разные понятийные системы и экономические категории.

И если экономист-теоретик может пренебрежительно махнуть рукой на некоторые формы экономического взаимодействия, как на не играющие важной роли в современной экономике, то экономист-историк не может так поступить, поскольку, во-первых, в ретроспективе то одни, то другие формы выходили на первый план, а во-вторых, в реальной экономике все эти формы занимают определенные ниши.

Заключение

Экономисты-теоретики и историки экономики пока еще плохо понимают друг друга. Они говорят на разных языках. То, что представляется важным для теоретика, может не быть таковым для историка, и наоборот. Но это неизбежная цена их столетнего обособленного развития.

Чтобы преодолеть существующее отчуждение надо сделать несколько реальных шагов навстречу друг другу. Историк должен включить в свои исследования интересующую теоретика проблематику. Теоретик должен помочь историку в изучении экономической динамики. Это поможет теоретикам преодолеть разрыв с реальной действительностью, а историкам — поднять теоретический уровень своих исследований.

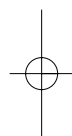
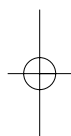
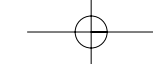
Трудно сказать, произойдет ли на деле интеграция теории и истории в рамках единой науки. Этому может помешать множество причин. Но если это все-таки произойдет, то государство получит мощный инструмент для реформирования и регулирования экономической деятельности.

Юрий Павлович

БОКАРЕВ

Бокарев Ю. П. — ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук. Закончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, исторический факультет и аспирантуру Института истории СССР АН СССР. Был ученым секретарем сектора источниковедения истории советского общества, заведующим Лабораторией по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Профессор кафедры мировой экономики РГГУ. Член Научного Совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. Научные интересы связаны с компаративной экономической историей XX в., мировой экономикой, региональной интеграцией, постиндустриальным обществом, применением математических методов в экономической истории. Автор около 300 печатных работ, в том числе 5 монографий. Имеет правительственные награды.

«Теоретическая экономика»

Бокарев Ю. П.

Экономическая история
и экономическая теория

ISBN 5-201-031-08-0

Подписано в печать 16.03.2007. Заказ № 12.
Тираж 300. Объем 2 п.л.

Оригинал-макет *Валериус В. Е.*
Редактор *Ерзнкян М. Д.*
Компьютерная верстка *Костюхина А. И.*

